

Емельян Барыкин: человек и легенда

Привычный пафос рассказов о Великой Отечественной войне давно уже натывается на вежливую невосприимчивость некоторых слушателей. Дескать, да-да, очень интересно. Но нам уже рассказывали.

Из года в год, с детского сада нам толкуют об этой войне. И из года в год уменьшается число горожан, которые смогут припомнить — а кто, собственно, такие эти люди, чьи имена носят кинотеатры, улицы, школы, теплоходы... Именем Емельяна Барыкина названа одна из самых протяжённых улиц Гомеля. Ни один из десяти человек, стоявших на одноимённой троллейбусной остановке, не смог объяснить нам, в чём заслуга Барыкина, и кто это вообще такой. Сошлись на том, что «какой-то военный»...

* * *

Профессиональный партийный работник Емельян Игнатьевич Барыкин был одним из руководителей обороны г.Гомеля в начале войны. Позже он возглавил штаб партизанского соединения. Заслугой Барыкина является и то, какие масштабы приобрела рельсовая война на Гомельщине.

О его боевой деятельности написаны книги. Между тем, в жизни Емельян Барыкин оставался добрым и мягким человеком.

В этой публикации мы не ставим своей задачей непременно описание боевых операций ради боевых операций. В данном случае нам более интересен сам человек. Рассказывает племянница Барыкина Ольга Петровна Выржиковская:

— Когда началась война, Емельян Игнатьевич находился на учебных сборах (тогда он был подполковником запаса). Отозвав его со сборов, ему поручили работу по созданию народного ополчения, по организации противовоздушной

обороны. Также он занимался вопросами городской эвакуации. Штаб обороны тогда находился в парке. в подземном бункере — теперь в этом месте справа от здания музея можно видеть вентиляционную шахту. Мне тогда было 13 лет, мы с женой Барыкина и его 9-летней дочерью Эвелиной часто прятались в нем от воздушных налётов.

Затем войной нас занесло в Брянск, на два года мы потеряли Барыкина.

Только в 43-м нас нашли партизаны, привезли в Гомель.

Относился Барыкин ко мне как к дочери. Несколько месяцев после оккупации от слабости я не могла ходить. Он ставил меня к себе на ноги, и мы шагали вместе — так вот учились ходить заново.

Вокруг него постоянно творились какие-то чудеса, связанные с именами. Например, меня он называл Волгой. Почему-то никого из домашних он не звал по имени — к жене всегда обращался не иначе как «голубочка», дочь называл Лилей. Впрочем, и мы ему платили тем же — прозвище у него было Дима. Так его стали звать с тех пор, как он в 28-м году познакомился на танцплощадке в Брянске со своей будущей женой. Она представилась — Клава, он пробормотал что-то —

ей показалось Демьян. А Барыкин и не спорил—Демьян, так Демьян. Кстати, сына моего тоже зовут Димой... Ко всем людям он относился очень по-доброму, до всех ему было дело, всем старался помочь. Никогда не кичился ни званием, ни должностью, ни наградами. Помню, сразу после освобождения постучались к нам в дом трое военных — капитан и два лейтенанта. Начало зимы 43-го не отличалось “чересчур” зимней погодой. И в тот день шёл проливной дождь. Впустили мы их обсушиться, собрали, что было, на стол. Вскоре пришёл с работы Барыкин, заметил гостей от входа, шёпотом интересуется — кто, мол, такие? А сам всё чего-то в коридоре топчется. Потом я поняла — он своей полковничьей формой, орденами не хотел смущать младших по званию. Они-то не были готовы к тому, что попали в дом одного из руководителей партизанского движения Гомельщины, первого секретаря горкома!.. “Вы меня не видели”, — шепнул и по стеночке, по стеночке — в свою комнату. Вышел к офицерам, только сняв китель. Никогда не делил людей по рангам и званиям. Партизанам часто отдавал своё, если видел, что у человека донельзя изношена одежда, обувь...

После освобождения Гомеля Емельян Барыкин сутками пропадал на работе, считал, что без него город не восстановят... Знал всех и все, вникал в каждую мелочь. Обычный человек и половины такой нагрузки не выдержал бы. Если Барыкин и появлялся в своём горкомовском кабинете, то дверь у него была открыта всегда и для каждого. Всем на свете старался помочь. Я никогда не видела людей, которые так быстро и легко могли решать самые разные вопросы. Приходит, например, к нему старушка, мать

партизана — нечего есть. Барыкин тут же звонит командиру близлежащей воинской части: “Иванович, есть бульба? Сейчас пришлю шофёра своего СашуЖарского, будь другом, дай мешок”.

... В 44-м Барыкину присвоили звание Героя Советского Союза. Рассказывал потом, как звезду в Кремле вручали. “Знаешь, — говорит, — Волга, а Калинин — ведь он маленький такой, сухонький старичок. Я как руку ему пожимал, так всё боялся — не оторвать бы...” И то правда — Дима-то наш под два метра, здоровущий... Умер он весной 51 -го. Еще в 42-м, упав с коня, повредил ногу. Через много лет началась саркома. Так и не спасли.

Когда он умер, я думала, что жизнь кончилась. Закрылась в спальне, подперла собой дверь и сутки плакала. Жить не хотелось. Теперь вот вроде и улица есть Барыкина, и доска мемориальная... А все равно мало кто теперь помнит этого человека...